

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ST.PETERSBURG JOURNAL OF ORIENTAL STUDIES

выпуск 7 volume 7

Центр «Петербургское Востоковедение»

> Санкт-Петербург 1995

Место гератского среди диалектов дари-персидского языкового массива

Ю. А. Иоаннесян (Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург)

Несмотря на то, что на протяжении всего XX-го столетия язык дари Афганистана привлекал к себе внимание исследователей¹, среди составляющих континуум диалектов близкородственных языков — персидского, таджикского, дари, наименее изучены диалекты последнего. Внутри самого ареала дари усилия иранистов закономерно концентрировались прежде всего вокруг столичного говора — кабульского, наиболее полно описанного к настоящему времени в трудах Л. Богданова (Bogdanov), Р. Фархади (Farhâdi), Т. Н. Пахалиной² и др. В центре внимания оказались и хазарейские говоры, которым посвящена серия работ В. А. Ефимова, и некоторые другие³. Исследованы также диалекты района Джабал-ус-Сирадж в провинции Парван⁴ и гератский⁵. Сведения по другим крайне фрагментарны.

Несмотря на относительную малоизученность провинциальных говоров дари в опубликованных к настоящему времени трудах содержится немало ценных положений, которые, собранные воедино, могут составить методологическую основу классификации диалектов этого языка с выявлением их лингвистической позиции не только по отношению к друг другу, но и к прочим диалектно-говорным единицам дари-персидско-таджикского ареала. Более того, в монографии Р. Фархади такая классификация была предложена. В ней весь дари-персидско-таджикский диалектный массив разделен на две группы — западную (персидские говоры западного Ирана) и восточную, состоящую из хорасанской подгруппы (с включением иранского Хорасана, афганского Хорасана, также Систана) и афгано-таджикской (имеет распространение в Таджикской ССР, других районах Средней Азии, в пределах Афганистана — от Бадахшана до Кабула, также к востоку от него)⁶. Эта классификация, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания. Но в силу неподкрепленности конкретным материалом, положенным в ее основу, она может рассматриваться как предварительная.

Еще Л. Богданову удалось выявить ряд существенных направлений, по которым проходит различие между фарси-кабули

Петербургское востоковедение, вып. 7

(старое обозначение языка дари) и персидским⁷. Следующим крупным шагом в этом направлении явилась статья В. А. Ефимова «О месте хазара в таджикском языковом массиве» В ней выделяются изоголоссы, по которым диалектно-говорные единицы дари-таджикского ареала противостоят персидским, что в сочетании с работой, проделанной Л. Богдановым, полностью охватывает фонетико-морфологические и другие характеристики, необходимые для сравнительного анализа. Проведенное впоследствии исследование гератского диалекта подтвердило значимость этих критериев.

Вопрос, который необходимо решить в связи с классификацией, — выделение наиболее показательных (опорных) диалектов как представителей ареалов, которые и должны явиться основными объектами сравнения⁹. С учетом предложенного Р. Фархади деления это подразумевает выбор одного диалекта из числа «афгано-таджикских», другого — из «западных», третьего — из «хорасанских».

Закономерно остановиться на кабульском и тегеранском. Первый, как справедливо отмечает Л. Н. Киселева, распространенный в масштабе Афганистана в качестве полифункционального наддиалектного койне, наиболее полно отражает языковые особенности ареала. Такое положение подкрепляется экономической и культурной значимостью г. Кабула в условиях этой страны Подобную роль выполняет тегеранский в пределах Ирана. Оказывая все возрастающее влияние на все персидские диалекты и испытывая некоторое обратное воздействие со стороны областных говоров, он является самым характерным представителем западно-персидского языкового массива. Л. С. Пейсиков указывает на тесную связь персидского разговорного языка с тегеранским просторечием 11.

Среди диалектов хорасанского ареала закономерно было бы выделить говоры исторических политических и культурных центров (с прилегающими районами). Именно они в силу особой роли этих центров в том числе в торгово-экономических отношениях должны были на протяжении веков существенно влиять на лингвистическую ситуацию своего региона, одновременно наиболее полно синтезируя его характерные языковые черты. Этим критериям в пределах нынешнего Афганистана полностью соответствует диалект г. Герата и прилегающих к нему непосредственно территорий¹².

Таким образом, сопоставление кабульского, гератского и тегеранского диалектов может рассматриваться не только с точ-

ки зрения определения их лингвистической позиции по отношению к друг другу, но и в более широком контексте — сравнительного анализа наиболее характерных представителей трех ареалов, чему и посвящена предлагаемая читателю статья.

Вначале попытаемся выявить особенности гератского в сравнении с кабульским, одновременно отмечая признаки, сближающие первый с тегеранским (при этом используем материал описанного автором ранее гератского диалекта)¹³.

Фонетика

Вокализм

Если в кабульском диалекте сохраняется историческая оппозиция фонем $\hat{e} - i$; $\hat{o} - u^{14}$: $\hat{s}\hat{e}r^{15}$ 'лев' — $\hat{s}ir$ 'молоко', $\hat{s}\hat{e}r$ 'сытый' — $\hat{s}ir$ 'чеснок', $\hat{t}\hat{e}r$ — основа настоящего времени глагола «проходить» — $\hat{t}ir$ 'бревно', 'балка'; $\hat{k}\hat{o}^{16}$ 'гора' — $\hat{k}u$ 'где', $\hat{t}\hat{o}l$ 'вес' — $\hat{t}ul$ 'длина', $\hat{b}\hat{o}ra$ 'залежные земли' — $\hat{b}ura$ 'сахарный песок', то в гератском это противопоставление значительно утратило фонематический характер, так как исторические маджгульные здесь находятся на стадии слияния с соответствующими немаджгульными: $\hat{s}\hat{e}r/\hat{s}ir$ 'лев' — $\hat{s}ir$ 'молоко', $\hat{s}\hat{e}r/\hat{s}ir$ 'сытый' — $\hat{s}ir$ 'чеснок', $\hat{t}ir$ — основа упомянутого глагола — $\hat{t}ir$ 'балка', 'бревно'; $\hat{k}\hat{o}/\hat{k}u$ 'гора' — $\hat{k}u$ 'где', ср. также $\hat{z}\hat{o}r/\hat{z}ur$ 'сила', $\hat{p}\hat{o}st/\hat{p}ust$ 'кожа, шкура' и др.

Как видно из примеров, гератский вокализм развивается в направлении, характерном для становления тегеранского вокализма¹⁷.

Рассмотрим некоторые позиционные изменения гласных гератского диалекта:

- 1. Частый переход а/ $\ddot{a} > \varepsilon$ /е в исходе слов: delšakastє 'удрученный', češme 'родник'.
- 2. Переход â > o, u в соседстве с n, m (как перед ними, так и после): kalon 'большой', xune 'дом', bâdum 'миндаль', noju 'ливанский кедр', modar 'мать', mor 'змея'.
- 3. Возможность утраты огубленности фонемой â в безударной позиции и уподобление ее a : xali 'пустой', tariki 'темнота', jaru 'метла', tavestun 'лето'.
- 4. Частая (в отдельных словах регулярная) замена о, ô/u гласными і, е, є, а, а в позиции после согласных, артикулирующихся в передней части ротовой полости: bexari 'печь', dekun 'торговая лавка', jamє 'пятница', zeğâl 'уголь', tıšak 'матрац', dəšman 'враг', čapun 'пастух', te 'ты' (редко).

5. Редукция и выпадение как исторически долгих, так и кратких гласных под влиянием r, m : arkät (< (h)arakät) 'движение', čer (<čerâ) 'почему', bor (<borô) 'иди', betaršid (<betarâšid) 'обтесал', terkestun (<târikestân) 'место, погруженное во мрак'; тах (<mêx/mix) 'гвоздь', nambine (<namêbine/namibine) 'не видит', amtô (<amitô < (h)amintô(r) 'таким образом'.

Отмеченные закономерности не наблюдаются в кабульском диалекте¹⁸. Для тегеранского, напротив, характерны регулярное отражение исторического а как е в исходе слов и соответствие и литературному å перед носовыми¹⁹.

Если в кабульском гласные делятся на краткие и долгие, то в гератском, как показало лабораторное исследование²⁰, они не противостоят друг другу по долготе. В закрытом ударном слоге исторически долгие и краткие примерно равны по длительности, в открытом безударном различие в целом незначительно (в кабульском же в первом положении одни короче других в 2,4 раза, во втором — в 1,8 раза)²¹. Отсутствие противопоставления в открытом безударном слоге в сочетании со способностью сокращаться до нуля и качественной изменчивостью исторически долгих (см. выше) не позволяют также отнести последние к разряду устойчивых (в персидском неустойчивые в открытом безударном слоге короче устойчивых в 1,84 раза, в таджикском — в 2 раза)²².

Дифтонги

Исторические ау и аw, сохраняющиеся в кабульском 23 , отражаются как еу и $\delta y^{(w)}$ в гератском: key 'когда', рeydâ 'видимый', 'явный'; nou 'новый', derou 'жатва' 24 .

Дифтонг ой в своем типичном звучании ближе к тегеранскому ой, чем к кабульскому аw, так как в качестве первого элемента ой и ой выступают огубленные гласные среднего подъема. С персидскими еy, ой сближает гератские ей, ой и то обстоятельство, что и те и другие представляют собой самостоятельные фонемы, а не дифтонгоидные сочетания, как аy (< a + y), aw (< a + w) в кабульском диалекте, ибо сильно разошлись с исходными составляющими²⁵, к тому же в гератском звук о кроме дифтонга нигде больше не представлен.

Таким образом, эволюция исторических дифтонгов в гератском также протекает по линии сближения с тегеранскими.

Консонантизм

Особенностью гератского диалекта в сравнении с кабульским является отсутствие фонематического различия между звуками, соответствующими q и γ кабульского²⁶. В гератском представлена единая фонема \ddot{g} , которая в своем типичном звучании — аффрицированный увулярный согласный (с широким диапазоном вариантов)²⁷, более звонкий, чем q, но приглушенный по сравнению с γ , способный к спирантизации в интервокальной позиции²⁸.

Примеры: ğarib 'бедный' — γ arib в кабульском (далее — каб.), ğarib 'приблизительно' — каб. qarib, morğ 'птица' — каб. mor γ , ğâğ 'черствый' — каб. qâq.

Из других явлений в области гератских согласных отметим:

- 1. Неустойчивость m, n в исходе слов и некоторых морфем (в ряде случаев регулярное выпадение): âfari (<âfarin) 'браво', nâtevâ (< nâtevân) 'немощный', čeč/čiš (< češm) 'глаз', kodu (< kodum/kodâm) 'который'. Ср. инфинитив: inâ miran bə angurxorda (< angurxordan) 'они идут есть виноград', личное окончание глагола: mâ mifti (< miftim) 'мы падаем'.
- 2. Выпадение h, как и в тегеранском, без перехода предшествующего а > â:²⁹ šar < šahr 'город', ğar < ğahr 'гнев'. То же относится к словам с арабским': nal < na'l 'подкова', wade < wa'da 'время; обещание'.
- 3. Наращение n, m в исходе слов или морфем, оканчивающихся на гласный: mayin/meyn 'рыба', jârčin/jarčin 'глашатай', kin-i? 'ты кто?'; предлог bəm (< bə + m), союз kəm (< kə + m).

Явления, отмеченные в пунктах 1 и 3, представлены и в кабульском³⁰, однако в гератском получили большее распространение³¹. Утрата h также характерна для кабульского, но в последнем ведет к замене а гласным â: šâr, qâr. Ср. также nâl, wâda³².

Гератское произношение ряда широкоупотребительных слов более сходно с тегеранским, чем с кабульским:

	тегеранский	гератский	кабульский
цыпленок пуговица шарик (в персидском	juje ³³ dogme/togme ³⁵ golule/golle ğolule/ğolle ³⁷	.jujə/juje dogme golulə/golle ğolle	čuča ³⁴ tokma ³⁶ kolula ³⁸
также «пуля») ВИЗГ, ВОПЛЬ	jiğ ³⁹	jêğ/jiğas	čêγ ⁴⁰

один	ye/yek/yeg ⁴¹	yek/yεk/ek yeg/yak	yak
шесть	šiš	šiš/šeš	šaš
семнадцать	hivdä	efde/evde	avda
восемнадцать	hiždä	hižda/hêžda êžda	ažda
девятнадцать	nozzä/nonzä nonzdä	numzæ	nozda
основа	d do ⁴²	d de	t-, te- ⁴³
настоящего времени глагола «давать»	d-, de- ⁴² (midi, bede)	d-, de- (midi, bede)	(mêti, betê/bete)

Морфология

им и

Рассмотрим аналитические средства выражения некоторых грамматических категорий и синтаксических отношений именных частей речи, формо- и словообразующие суффиксы.

Постпозитивный выделительный артикль -i/-ê, сохранившийся в кабульском лишь в полулитературном стиле⁴⁴, широко представлен в гератском как в фольклоре, так и в обыденной речи. Он регулярно используется при указании на единичность или неопределенность предмета: mə am dige âdam-ı mazdurkâr-i budom 'я ведь уже был наемным рабочим'; при выделении существительного из ряда однородных предметов с помощью определительного придаточного предложения: pas bəm jâ-yi ke sob arkät kardə budim amunji rasidim 'мы снова пришли туда, откуда утром вышли'.

Ср. тот же артикль в тегеранском диалекте⁴⁵.

Для гератского характерно употребление особых энклитических местоимений 3-го лица единственного и множественного числа (соответствующих -eš; -ešân кабульского), возникших из личных і, и; inâ⁴⁶: agə yak nafar dige ke asp-i tağretar bâšə, и хоd-i tağretar bâšə, onu boz-er mirə, migirə az ų 'eсли [найдется] другой человек, чья лошадь окажется ловчее, сам он — более искусным, тогда он (букв.: тот) отнимет козла у того (первого всадника)'; inji zaminâ-inâ nâkâr mun 'земли их остались здесь невозделанными'. Ср. также: sabâ-yu 'на следующий день' — каб. sa-bâyš⁴⁷. Энклитики эти помимо других функций используются еще в субъектной, что не отмечено у -eš; -ešân кабульского⁴⁸: yak asp-e mə bə zamin хог, bəm sar sang ke berasid-i bə zamin хог

'одна из моих лошадей свалилась на землю, только приблизилась она к камню, как упала на землю'.

Ср. аналогичное явление в тегеранском: räfteš 'он ушел', doxtäre hey jiğ mizadeš 'девочка все время кричала'⁴⁹.

В гератском (аналогично другим диалектам дари и персидского) основным средством связи определения с определяемым выступает изафетная конструкция. Характерно частое выпадение изафетного показателя: tanxâ šâgerd 'жалованье подмастерья', ріуаг труча труча отмечено и в тегеранском в кабульском это явление представлено лишь в устойчивых сочетаниях, например в терминах родства 1.

Отношение принадлежности может оформляться оборотом с mâl-е (отмечен в фольклоре), неупотребительным в кабульском, но представленным в тегеранском⁵²: man mâl-e to nistam, mâl-e diga käs astam 'я не твоя [жена], а другого человека'.

Сравнение выражается только посредством наращения к прилагательному суффикса -tar. Присущей кабульскому описательной конструкции со служебным словом kada или аналогичной ей в гератском не отмечено: a pol-e Mâlun i am kaluntar as 'этот даже больше моста Малан'. Ср. каб.: az tu-kada kalântar/az tu-kada kalân⁵³.

Имеется ряд неупотребительных в кабульском словообразующих суффиксов существительных: $-e/\epsilon/-\rho$, -i, $-\check{c}ak/-\check{c}ek^{54}$.

Первый при присоединении к основе не меняет семантики слова: rubâ am sulâxê (< sulâxe + изафет -e) dowâl badar šod 'лиса вылезла наружу через отверстие в стене' (ср.: sulâx —sulâxe), ami doxtare doxtar-e pâdšâzâde bud 'эта девушка была царского рода' (ср.: doxtar — doxtare), bânjun-râ migiri... čâr xate kaš mikoni, u-râ mindâzi mâbeyn-e ruğan 'берешь баклажан, проводишь четыре линии, [затем] бросаешь баклажан в масло' (ср.: xat — xate). Суффикс этот употребляется и в тегеранском диалекте⁵⁵.

Второй отмечен в ряде существительных с употребляемыми на равных дублетными формами (с суффиксом и без). Нижеследующие примеры показывают, что наращение -і не изменяет семантики исходной формы: meyduni 'площадка, поле' — ср. meydun/maydân с тем же значением, ğabrestuni 'кладбище' — ср. ğabrestun, entezâri 'ожидание' — ср. intezâr. Отметим bârdomi⁵⁶ 'подхвостник' — ср. каб. pârdom⁵⁷.

Третий, составной (-ča + -ak > -čak/-ček), со значением уменьшительности: kelkinčak (от kelkin 'окно') 'оконце', pâčekâ (от pâ 'нога') 'ножки (бараньи)'.

Характерна бо́льшая продуктивность -eke/-ege/-egə/-ke/-ge (< -ek/-eg + -e/-ə) по сравнению с его эквивалентом в кабульском (отмечен лишь в mardaka 'мужичок' и zanaka 'бабенка')⁵⁸: zaneke 'бабенка', mardeke 'мужичок', kallege/kallegə 'плешивый', doxtarke⁵⁹ 'девчонка', xargê (< xarge + изафет -e) lâğar-1... 'тощий осел...'.

Глагол

Префикс be-/b1-/bo-/bə- в гератском помимо форм сослагательного и побудительного наклонений, факультативно используется и для образования претерита, перфекта и преждепрошедшего времен изъявительного: befamidim ke inâ či goftan 'мы поняли, что они сказали', а sar-e nâf-10 deraxt-e paste söuzkadä bejaste 'из середины ее (могилы) проросло (букв.: выскочило) цветущее фисташковое дерево', і а jelöutar bə xânom-e хо begofte bud bo mâ a čel nafar nun teyâr koni 'он заблаговременно сказал своей жене: «Приготовь нам еду на сорок человек»'. В кабульском (и в тегеранском) соответствующий префикс изъявительного наклонения не образует⁶⁰.

Во всех приставочных глаголах в гератском приставки (превербы) war-/wor-, dar- отделяются от основы формообразующими префиксами mi-/mê- и na-/ne-: war-midâre, war-midištim, war-nemiâya, vor-mindâze, war-nako, dar-miyâye. В кабульском в большинстве таких глаголов превербы составляют единое целое с основой, поэтому всегда следуют за префиксом (префиксами): medrâyom, mebrâyom, mefrâyom, namêwardârom⁶¹.

По этому признаку гератский сближается с тегеранским. Ср.: där-miyåräm, vär-midåššän⁶².

Особенностью гератского диалекта является специфическое использование постпозитивного форманта -аk, который помимо факультативного оформления 3-го лица некоторых времен изъявительного наклонения — претерита, имперфекта, давно прошедшего (ср.: šodak, mibordak, sar zade budak), что отмечено и в кабульском⁶³, может присоединяться к глагольной основе в повелительном: pâk bošurak, tamiz ko, bâz bıyâya (< bıyâyak), хоšk konak 'хорошо вымой [ребенка], приведи в опрятный вид, затем принеси (букв.: приходи), насухо протри'. Формант этот также появляется иногда в основах настоящего времени глаголов «падать» и «становиться»: miftiki 'ты падаешь', mifteke 'он падает'; mistekom 'я становлюсь', mistekim 'мы становимся'.

Специфику гератского диалекта составляет и сохранившийся не только в фольклоре архаичный постпозитивный фор-

мант -i/-ê (известный по памятникам классической персидскотаджикской литературы), отмеченный в 3-м лице единственного числа глагола в условных предложениях (большинство примеров с глаголом «быть»): agə kas-ı kampaxte bud-i kol-e pul-eu xalâs mišod bəm râ 'ecли человек был беден, то все его деньги [вырученные за товар], кончались по дороге'; kâške Arumi bud-i ke inâl sêbâ bıyâword-i 'o, если бы был Аруми, он бы сейчас принес яблок' (фольклор).

Причастие прошедшего времени, широко используемое в гератском в атрибутивной и предикативной функциях, не принимает, в отличие от кабульского, суффикса -gi: morğ-e baryânkade (< baryânkarde) bə ru-ye ğurri-ye barenj miğzâre 'oн кладет вареную птицу на поднос с рисом', dasmâl-e gardan-i am ba gardan andâxte-ye 'ero шарф накинут ему на шею'. Аналогичную форму причастие имеет в тегеранском: käpk-e košše 'убитая куропатка'⁶⁴. Ср. каб.: čâ-ye kandagi-ra por kadêm 'мы закопали выкопанную яму', i pêran bâftagi 'эта куртка — вязаная'⁶⁵.

Предикативная связка в отличие от кабульского диалекта, где она используется лишь в полной форме⁶⁶, выступает в гератском как в краткой, так и в полной, с частицей отрицания обычно в краткой: ni-yom, ni-yi, ni-ye/ni-yä и др.

В области глагольного словообразования гератский диалект отличает следующее.

1. Активное использование префиксального способа образования. Особенно продуктивен префикс (преверб) war (var)-/wa-/wor (vor)-. Ср. глаголы (в 3-м лице единственного числа презенса): war-midâre 'брать, поднимать', war-migarde 'поворачивать назад, возвращаться', wor-mixiza/war-mixiza/wa-mixaze 'вставать, подниматься', war-mijə 'перепрыгивать', war-miâyä 'подниматься' (о тесте), vor-mindâze 'сбрасывать, ниспровергать'; (в 3-м лице множественного числа) vər-mikonan 'поднимать, будить'; (в 3-м лице единственного числа претерита), varix (<var-rixt) 'брызнуть струей, хлынуть' и др. Как видно из примеров, круг глаголов с этим словообразующим префиксом (превербом) значительно шире, чем в кабульском диалекте, где активно используются лишь war-dâštan, bar-âmadan, bar-âwordan⁶⁷.

Наличие большого числа глаголов с превербами характерно также для персидского языка⁶⁸.

2. Меньшая по сравнению с кабульским диалектом распространенность каузативных глаголов, параллельное употребление в переходном значении как форм с каузальным суффиксом -ân/un, так и исходных форм некоторых глаголов (исполь-

зуемых в кабульском в этом значении только в виде каузативных): darwâzê xuna-r šekastân 'oн выломал дверь дома', ср.: kuzâ beškasti? 'ты разбила кувшины?'; bə gešt-e čâromi u čârpanje-râ âb mirizune bâle-ye az u berun 'в четвертый раз он заливает водой отверстия, проделанные с четырех сторон в гуще риса', âb-râ badar mirize 'он выливает воду наружу'.

У обоих этих глаголов в кабульском изначальная форма (без каузального суффикса) утратила переходное значение⁶⁹. Однако в тегеранском глаголы šekästän и гіхtän выражают как переходное, так и непереходное значение.

3. Широкое употребление (как и в кабульском) «вторичных» сложноименных глаголов, первым компонентом которых выступают основы или причастия простых глаголов⁷⁰. В гератском некоторые из них, представленные в кабульском только в виде сложноименных образований, сохранили и исходную форму (имеющую большее распространение): zan-o mard bə jelöu am amitô istâd šode 'женщины и мужчины встали передо мной', ср.: i xânom âmâd dar jelöu-e az i istâd, gof... 'эта женщина подошла, встала перед ним, сказала...'; be doxtarke goftan: dig-e pâya poxte ko 'они сказали девушке: «Приготовь котел [еды]»', ср.: kam-i nun-ê-mun- ê bepaz 'приготовь немного какой-нибудь еды'; muye doxtarke bəm tanöu e âyeni baste kad-o... 'он привязал к волосам девушки веревку...', ср.: dast-o pâ-y ârus-erə unâ mibandan 'руки и ноги невесты мажут хной'; ...ami хогd-o rize-ye az inâ porsân kad '...он расспросил обо всех их малышах', ср. az mɛ be Irân porsidan... 'меня спросили в Иране...'.

В кабульском диалекте приведенные выше глаголы употребляются в виде сложноименных, а в тегеранском — простых⁷¹. В то же время некоторые из отмеченных в гератском «вторичных» глаголов для кабульского не характерны, например, «убегать», «терять, проигрывать»: hamə gorix (< gorixt) kadan 'все разбежались', і Sarvar zâbet ğamâr-râ bâxt dâde bud 'этот сержант Сарвар проиграл в карты'.

Завершая анализ особенностей системы глагола в гератском диалекте, отметим возможность использования как формы сослагательного наклонения, так и неполного инфинитива (совпадает внешне с причастием прошедшего времени) смыслового глагола с модальным «мочь»: var-xiste-vo birun namitune dige šоmâ bıyâye extelât kone, arf bezane 'oн не может подняться и выйти, подойти [к] вам, беседовать, разговаривать'. В кабульском в этом случае употребляется неполный инфинитив, в тегеранском

(за исключением безличных оборотов) -- форма сослагательного наклонения⁷².

Служебные слова

Предлоги

В гератском используется большое число неупотребительных в кабульском предлогов⁷³: dombâl-e 'позади', jelöu-e/jelöuru-ye 'перед, впереди', tay-ye/tey-ye⁷⁴ 'внутри, посредине, вовнутрь; на', wâsetê/wâsê 'ради, из-за', ru bə 'в сторону' (представлены в тех или иных вариантах в тегеранском)⁷⁵.

Кабульскому предлогу kati/kat-e/qat-e⁷⁶ (указывающему на совместность и орудийность) в гератском соответствует xod-e/ xo-de-ye/xodê/xod⁷⁷.

Неупотребителен кабульский bar-е 'для, ради', значения которого передаются посредством bəm, реже barâ-ye/bare-ye.

Специфически диалектный характер носят rad-е 'вслед, за' (ср.: rad 'след'), bə jâte -ye 'вместо'⁷⁸, а moxtən-е/a moxten- ι 'ради, из-за', čab a(z) 'кроме'⁷⁹.

Частицы

Имеются отсутствующие в кабульском модальные частицы: 1) со значением длительности или многократности действия — ey/ay: didom ke ey unâ nun mixore 'я увидел, как они едят', ср. äz män hey miporsid 'он все время у меня спрашивал' в тегеранском⁸⁴; 2) выражающая побуждение к действию — bâše: goftom — bâše yak čây boxorom 'я сказал: «Выпью-ка я чаю»', ср.: båše 'пусть (будет)' в тегеранском⁸⁵.

Обобщая вышесказанное, конкретизируем особенности гератского диалекта по отношению к кабульскому. Разделим их на две группы.

I. Черты, отличающие гератский от кабульского и сближающие первый с тегеранским:

Фонетика

1. Общее направление эволюции вокализма и дифтонгов — постепенное слияние фонем ê и i, ô и u, а также переход исторических ау и av соответственно в ey и öu.

- 2. Ряд позиционных изменений гласных:
 - а) частый переход а $> \varepsilon/e$ в исходе слов;
 - б) переход $\hat{a} > 0$, и под воздействием носовых.
- 3. Сохранение качества а при утрате следующего за ним h.
- 4. Наличие единой согласной фонемы ў, соответствующей q и у кабульского диалекта.
 - 5. Произношение ряда широкоупотребительных слов.

Морфология

- 6. Активное использование постпозитивного выделительного артикля -i/-ê.
- 7. Употребление энклитического местоимения 3-го лица единственного числа в субъектной функции.
 - 8. Частое выпадение изафетного показателя.
- 9. Отсутствие описательной сравнительной конструкции со служебным словом kada или аналогичной ей.
 - 10. Наличие суффикса (существительных) -е/-ε/-э.

Глагол

- 11. Самостоятельность словообразующих приставок (превербов) war-/wor-, dar- по отношению к основе, отделяемость первых от последней формообразующими префиксами mi-/mê и na-/ne- во всех приставочных глаголах.
- 12. Отсутствие причастия на -gi, соответствие ему причастия на -є/-е.
- 13. Большая распространенность приставочных глаголов, меньшая каузативных.
- 14. Совмещение глаголами (без каузального суффикса) 'ломать(ся)', 'лить(ся)' переходного и непереходного значений.
- 15. Активное использование (наряду со сложноименными образованиями) исходных, простых глаголов «спрашивать», «связывать, закреплять», «встать, остановиться», «готовить пищу».
- 16. Употребление с модальным глаголом «мочь» формы сослагательного наклонения смыслового глагола (наряду с неполным инфинитивом, см. ниже).

Служебные слова

- 17. Наличие предлогов dombâl-e, jelöu-e, tay-ye/tey-ye, wâsetê/wâsê, ru bə; отсутствие kati/kat-e/qat-e.
- 18. Использование частиц отрицания na/ne (наряду с nê/ni), усилительной ke/ke (наряду с ko), модальных ey/əy, bâše.

II. Явления, составляющие специфику гератского диалекта по отношению как к кабульскому, так и к тегеранскому:

Фонетика

- 1. Отсутствие противопоставления гласных как по долготе, так и по признаку устойчивости.
 - 2. Переход â > а в безударной позиции.
- 3. Частная замена о, ô/u гласными i, e, є, а, ә в позиции после согласных, артикулирующихся в передней части ротовой полости.
 - 4. Редуцирующее воздействие на гласные согласных г, т.
- 5. Частое наращение m, n в исходе слов или морфем, оканчивающихся на гласный.

Морфология

- 6. Употребление особых энклитических местоимений 3-го лица единственного и множественного числа, возникших из личных местоимений.
- 7. Использование в словообразовании существительных суффиксов -i, -čak/-ček, бо́льшая продуктивность -eke/-ege/-egə/-ke/-ge.

Глагол

- 8. Факультативное участие префикса be-/bi-/bo-/bə- в образовании претерита, перфекта и преждепрошедшего времен.
- 9. Эпизодическое наращение постпозитивного форманта -ak в повелительном наклонении, участие его в образовании основ настоящего времени глаголов «падать», «становиться».
- 10. Использование архаичного постпозитивного форманта -i/-ê в 3-ем лице глагола в условных предложениях.
- 11. Употребление особой отрицательной формы предикативной связки, образованной от краткой положительной присоединением частицы ni-.
- 12. Наличие сложноименных образований от глаголов «убегать», «проигрывать».

Служебные слова

13. Использование предлогов xod-e/xode-ye/xodê/xod, rad-e, bə jâte-ye, a moxtən-e/a moxten-ı, čab a(z).

Рассмотрев особенности гератского диалекта по отношению к кабульскому, закономерным было бы теперь остановиться на пунктах их схождений. Поскольку наиболее существен-

ными представляются те общие черты, которые отличают оба диалекта от тегеранского, ограничимся их перечислением.

- 1. Использование словообразующих суффиксов существительных -as: jarangas 'звон', jiğas 'визг'; прилагательных -ôk: zaxmôk 'раненый', poftolôk 'увядший' (ср.: poftol 'сморщенный, сгнивший')⁸⁶.
- 2. Оформление послелогом -r/-er (< râ) не только прямого объекта (как это имеет место в тегеранском), но и косвенного: tu-r či šoda? 'что с тобой?'⁸⁷.
- 3. Возможность оформления посредством аz атрибутивных сочетаний имен и отыменных предлогов с личными или указательными местоимениями (если последние не начинаются с согласного). При этом наличие изафета необязательно: mirom rad-e az inâ 'я иду за ними', ... did ama pâk ... ta öuli az i '...он увидел, что в его дворе все чисто...'88.
- 4. Выражение принадлежности при помощи предлога az/a: i jânamâz am az tu 'этот молитвенный коврик также твой'89.
- 5. Наращение постпозитивного форманта -ак в глагольных формах претерита, имперфекта, плюсквамперфекта (примеры см. выше)⁹⁰.
- 6. Наличие предположительного наклонения со служебным словом $x\hat{a}(t) < x\hat{a}$ had: \hat{a} yrân mimânim ke eštöu xât šod, aga tarxiz xât dâd, xât nadâd 'не знаем, что и будет, демобилизуют [нас] или нет'91.
- 7. Употребление дуративной конструкции с глаголом raftan: xorda miraf 'oн ел и ел'92.
- 8. Использование безличных оборотов, образованных инфинитивом (в том числе неполным) смыслового глагола и 3-м лицом единственного числа модального šodan: xod-ey ič gapzadan namiše 'с ним вообще невозможно разговаривать', korğ-ə bâlâšode nemiše 'невозможно вылезти из глубокой ямы'93.
- 9. Употребление с модальным глаголом «мочь» неполного инфинитива (наряду с формой сослагательного наклонения, см. выше) смыслового глагола: i natunest yâfte 'oн не смог его найти', marteke ičiz (< ič + čiz) dige-re gofte natunes 'человек больше не смог ничего сказать'94.
- 10. Присоединение каузального суффикса к претеритным основам, если последние имеют в исходе -t: (3-е лицо множественного числа) suxtândan, geštundan, (3-е лицо единственного числа) šekastân⁹⁵.
- 11. Наличие сложноименных глаголов, в качестве именной части которых выступают основы настоящего или прошед-

шего времени, либо причастия исходных простых глаголов (примеры см. выше) 96 .

- 12. Использование послелога со значением подобия wari/-wâri: sar-ə jun-e mə yaktekɛ sıyâ zoğâl-wari bud 'я с ног до головы был черный как уголь'97.
- 13. Употребление каузативной конструкции с предлогом (bə/be) sar-e: öulâdâ-ye man tâ kalun šɛ be sar-inâ xari-vo zamat mi-kašim 'когда мои дети подрастут, заставим их трудиться', du dânä gusfan bə sar-am xarid 'он вынудил меня купить двух баранов'98.

Таким образом, по ряду важных фонетико-морфологических черт гератский диалект существенно отличается от кабульского, сближаясь с тегеранским. Как количественный аспект этих характеристик, так и их значимость не дают оснований рассматривать гератский как более близкий к кабульскому, чем к тегеранскому. С другой стороны, широкий круг изоглосс кабульского и гератского не позволяет полностью отрывать последний от говоров дари Афганистана. Налицо все признаки промежуточного диалекта между западными и восточными, обладающего вместе с тем существенной спецификой по отношению как к первым, так и ко вторым. Это оправдывает выделение не двух, а трех самостоятельных групп в диалектном дариперсидско-таджикском массиве с равной удаленностью хорасанской группы (а не подгруппы), которую целесообразно было бы считать центральной, как от западной, так и от восточной (афгано-таджикской по терминологии Р. Фархади).

Примечания

- 1. Наиболее полное описание литературного дари содержится в работах: Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули. М., 1960; Киселева Л. Н. Язык дари Афганистана. М., 1985 (далее: Киселева), и др.
- 2. Bogdanov L. Stray notes on Kabuli Persian. JASB. Vol. 26, № 1, Calcutta, 1930; Farhâdi A. Le Persan parlé en Afganistan. Grammaire du Kâboli. Accompagnee d'un recueil de quatrains populaires de la Région de Kâbol. Paris, 1955 (далее: Вод-danov). Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане (пер. с франц. Б. Я. Островского). М., 1974 (далее: Фархади); Пахалина Т. Н. К характеристике кабульского просторечия. Индийская и иранская филология. М., 1968 (далее: Пахалина).
- 3. Ефимов В. А. Язык афганских хазара (якаулангский диалект). М., 1965; Он же. Личные глагольные формы в якаулангском диалекте хазара (итоги полевой работы). Индийская и иранская филология. М., 1964; Он же. О месте хазара в таджикском языковом массиве (на материале якаулангского диалекта). Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971; Dulling G. The Hazaragi dialect of Afghan Persian (a preliminary study). London, 1973.
 - 4. Обидов У. Шиваи Чабал-ус-Сироч. Афгонистони Шимоли. Душанбе, 1977.
- 5. Монография «Гератский диалект» готовится в настоящее время автором этой статьи к печати. Основным материалом для нее послужили бытовые тексты, сказки, другие образцы диалектной речи, собранные в Афганистане в 1979—

1981 гг. Книга помимо описания фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики содержит тексты и список бытовых терминов. Ранее на ту же тему нами была защищена диссертация, см.: Иоаннесян Ю. А. Диалект современного дари района г. Герата (фонетика, морфология). Автореферат на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 1987.

Лексике гератского диалекта посвящен ряд афганских публикаций, среди которых особое место занимает словарь: Fikrat M. A. A vocabulary of spoken Herati. Kabul, 1976 (далее: Fikrat).

- 6. Фархади, с. 7.
- 7. См. примеч. 2.
- 8. См. примеч. 3.
- 9. Вокруг таких диалектов группируются тяготеющие к ним другие.
- 10. Киселева, с. 16.
- 11. Пейсиков Л. С. Тегеранский диалект. М., 1960, с. 6, 7 (далее: Пейсиков).
- 12. Обследованный нами район включает г. Герат (с предместьями) и близлежащие села, говоры которых объединяются по существенным признакам в единый диалект.
 - 13. См. примеч. 5.
 - 14. Фархади, с. 16-23; Киселева, с. 21-22.
- 15. Здесь и далее примеры из кабульского диалекта приводятся в транскрипции, принятой в упомянутых трудах Р. Фархади, Л. Н. Киселевой и в Дарирусском словаре: Киселева Л. Н., Миколайчик В. И. Дарирусский словарь. Изд. 2-е, стереотип. с Приложением новых слов. М., 1986.

Дополнительные знаки для гератского материала: і (закрытый е), є (открытый е), є (сильно продвинутый вперед по признаку ряда а), ә (редуцированный а), е (закрытый е̂), џ (продвинутый вперед по признаку ряда u), о, џ (неслоговые о, u), ф (неполнозвонкий d), ў (неполнозвонкая увулярная аффриката). Последний используется также в примерах из тегеранского диалекта. В остальном персидская транскрипция соответствует принятой в труде: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.

- 16. Фархади, с. 75, 91.
- 17. Основы иранского языкознания, с. 22; Пейсиков, с. 13, 14.
- 18. Фархади, с. 16 (§ 3, 4), 24—37; Bogdanov, с. 5.
- 19. Пейсиков, с. 16, 19.
- 20. Подробные данные о лабораторном исследовании см.: Иоаннесян Ю. А. Гласные гератского диалекта дари в количественном отношении.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) 1988. Часть 2. М., 1989, с. 89—92.
 - 21. Ср. данные, приводимые Т. Н. Пахалиной: Пахалина, с. 46—51.
- 22. См.: Соколова В. С., Неменова Р. Л., Богорад Ю. И., Лившиц В. А., Фархадян А. И. Новые сведения по фонетике иранских языков. Труды Института языкознания. Т. 1, М., 1952, с. 178—192 (далее: Соколова, Неменова и др.); Соколова В. С. Фонетика таджикского языка. М.—Л., 1949, с. 74.
- 23. Переход $\{ay\} > \{ey\}$; $\{aw\} > \{\ddot{o}u\}$ полностью не завершен, ибо наряду с основным вариантом представлены и более редкие, архаичные, включая промежуточные $\{\epsilon y\}/\{\ddot{a}y\}/\{\ddot{a}y\}$; $\{\ddot{a}u\}/\{\ddot{a}u\}$.
 - 25. Ср.: Соколова, Неменова и др., с. 175—177.
- 26. О наличии двух фонем q и γ в кабульском см.: Пахалина, с. 51; Bogdanov, с. 7; Фархади, с. 40.
 - 27. Это отмечает также М. Фикрат в Предисловии к своему словарю.
- 28. Согласный этот представляется идентичным соответствующей фонеме персидского языка. Ср. характеристику последней: Соколова В. С. Очерки по фонетике иранских языков. Т. 1, М., 1953, с. 51; Эдельман Д. И. О единой научной

транскрипции для иранских языков. М.—Л., 1963, с. 19; Соколова, Неменова и др., с. 177; Пейсиков, с. 30—32.

- 29. Пейсиков, с. 39, 33.
- 30. Фархади, с. 44—45; Bogdanov, с. 11.
- 31. Так, в кабульском не наблюдается утрата -n в инфинитиве, -m в личных окончаниях, наращение -n, -m в предлогах, местоимениях, союзах и некоторых существительных, которым в гератском регулярно соответствуют формы с вставным носовым согласным. Р. Фархади отмечает распространенность наращения -n как характерную черту гератского диалекта (Фархади, с. 30).
 - 32. Фархади, с. 33; Пахалина, с. 52; Киселева, с. 27—28; Bogdanov, с. 7—8.
 - 33. Пейсиков, с. 40.
- 34. Afghani Nawis. Loghât-e âmiyâna-ye fârsi-ye Afghânestân. Bâ takmela-yê az Hosayn Farmand. Kabul, 1985, c. 196 (далее: Afghani Nawis); Bogdanov, c. 70.
 - 35. Пейсиков, с. 29.
 - 36. Afghani Nawis, c. 121.
- 37. Жуковский В. А. Образцы персидского народного творчеста. Песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания. СПб., 1902, с. 275, 277; Пейсиков, с. 32.
 - 38. Afghani Nawis, c. 460; Fikrat, c. 123.
 - 39. Пейсиков, с. 54
 - 40. Afghani Nawis, c. 199; Fikrat, c. 51.
- 41. Тегеранские эквиваленты числительных приводятся по монографии Л. С. Пейсикова (Пейсиков, с. 56), кабульские по Р. Фархади (Фархади, с. 96) и Л. Н. Киселевой (Киселева, с. 74).
 - 42. Пейсиков, с. 64, 68.
 - 43. Фархади, с. 126, 144; Пахалина, с. 59.
 - 44. Фархади, с. 73.
 - 45. Пейсиков, с. 43, 45.
- 46. Подробнее об этом см.: Иоаннесян Ю. А. О происхождении одной местоименной энклитики в иранских диалектах. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), 1988. Часть II. М., 1990, с. 71—77.
 - 47. Фархади, с. 84.
 - 48. Пахалина, с. 54; Фархади, с. 83-85, 192.
 - 49. Пейсиков, с. 54—55.
 - 50. Пейсиков, с. 86, 114.
 - 51. Фархади, с. 77.
 - 52. Фархади, с. 77.
 - 53. Фархади, с. 80; см. также: Пахалина, с. 53—54; Киселева, с. 67.
- 54. Фархади, с. 152—168; см. также: Основы иранского языкознания, с. 203—221.
 - 55. Пейсиков, с. 100.
 - 56. Переход p > b наблюдается в гератском в ряде слов.
 - 57. Afghani Nawis, c. 67.
 - 58. Фархади, с. 159.
- 59. Утрата гласного элемента суффиксом объясняется соседством с г. О редуцирующем влиянии последнего на гласные см. выше.
 - 60. Фархади, с. 119, 130; Пейсиков, с. 71-72, 78-82.
 - 61. Фархади, с. 118, 139, 140, 148; Bogdanov, с. 29; Киселева, с. 82.
 - 62. Пейсиков, с. 72-73.
 - 63. Пахалина, с. 57—58.
 - 64. Пейсиков, с. 84.

- 65. Пахалина, с. 58; см. также: Фархади, с. 157; Киселева, с. 87.
- 66. Пахалина, с. 55-56.
- 67. Фархади, с. 148.
- 68. Основы иранского языкознания, с. 146.
- 69. Фархади, с. 137; Киселева, с. 82.
- 70. В иранистической литературе они именуются иногда «расщепленными» глаголами (split-verbs). Ср.: Киселева, с. 83; Bogdanov, с. 28—29, 31.
 - 71. Bogdanov, c. 28; Фархади, c. 139, 141, 149; Киселева, c. 83.
 - 72. Bogdanov, c. 33; Фархади, c. 126, 141.
- 73. Ср. предлоги в кабульском диалекте Фархади, с. 101—103; Иоаннесян Ю. А. Система предлогов и послелогов в разговорном дари.— Языки Азии и Африки (Фонетика. Лексикология. Грамматика). М., 1985, с. 64—77.
- 74. Гератский предлог tay-ye/tey-ye, не связанный этимологически с существительным ta 'низ', представляет собой вариант персидского tu-ye.
- 75. Пейсиков, с. 90—92; см. также: D'Erme G. M. Grammatica del Neopersiano. Napoli, 1979, с. 69—75; Fouchecour C. H. Elements de Persan. Paris, 1985, с. 63—64, 72—76; Coletti A. Grammatica della Lingua Persiana. Roma, 1986, с. 122—125.
 - 76. Фархади, с. 103; Пахалина, с. 53.
- 77. О его возможных этимологиях см.: Оранский И. М. Тадж. kati/qati осет. (диг.) хасса. Иранское языкознание (к 75-летию проф. В. И. Абаева). М., 1976, с. 148—159.
 - 78. Этимология этого и следующего за ним предлога неясна.
- 79. Возможно, образован от прилагательного čар/čab «левый». В форме čар предлог этот представлен в белуджском фольклоре. См.: Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. Ч. II. М.—Л., 1949, с. 17, 29 и др.
 - 80. Фархади, с. 107.
 - 81. Пейсиков, с. 95.
 - 82. Bogdanov, c. 23, 120; Фархади, c. 200—201.
 - 83. Пейсиков, с. 96.
 - 84. Пейсиков, с. 96-97.
 - 85. Пейсиков, с. 16.
 - 86. Об использовании этих суффиксов в кабульском см.: Фархади, с. 112, 165.
- 87. О том же явлении в кабульском диалекте см.: Фархади, с. 103—104, 192; Пахалина, с. 53; Островский. Многообъектные глаголы разговорного кабули. Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981, с. 161.
 - 88. Об этом в кабульском см.: Фархади, с. 77, 102.
- 89. О выражении притяжательности с помощью предлога аz в кабульском см.: Фархади, с. 77.
 - 90. См. примеч. 63.
- 91. О предположительном наклонении в кабульском см.: Киселева, с. 99; Фархади, с. 122—124.
- 92. О той же конструкции в кабульском см.: Фархади, с. 125—134; Киселева, с. 97—98.
 - 93. Об этом в кабульском см.: Пахалина, с. 58; Bogdanov, с. 30; Фархали, с. 189.
 - 94. См. примеч. 72.
- 95. Исключение составляет глагол «садиться». О том же способе образования каузативных основ в кабульском диалекте см.: Основы иранского языкознания, с. 141; Киселева, с. 82.
 - 96. См. примеч. 70.
 - 97. В кабульском имеет форму -war-ê, см.: Фархади, с. 105.
- 98. Указанная конструкция широко распространена в кабульском диалекте, см. Фархади, с. 136.

Y. A. Ioannesyan. The position of the Herati dialect within the Dari-Persian linguistic continuum.

In the article on the basis of a complex study of the Herati dialect (of modern Dari), previously undertaken by the author, a comparison is made between the Kaboli, Herati and Tehrani dialects as characteristic representatives of their linguistic areas: (respectively) the afghan-tajiki, khorasani and west-persian. As a result, Herati appears as an intermediate dialect, equally possessing common features with as well as distinguishing features from the two others. This definition justifies a classification in which the Khorasani group is assigned the position of an independant group and not merely that of a sub-group within the eastern group, as has been the case so far, which necessitates a correction of the existing classification.